

ОТ ИСТОКОВ «РУССКОЙ ИДЕИ» МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX ВЕКА К АВТОРСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ КОНЦЕПТА

Статья посвящена проблеме возникновения «русской идеи». На основе анализа работ известных русских мыслителей XIX века автор предлагает своё видение её решения. Зарождение «русской идеи» рассматривается сквозь призму борьбы между «западниками» и «славянофилами». Ключевые слова: «русская идея», западники, славянофилы, почвенничество.

«Русская идея» в настоящее время вызывает неоднозначные чувства и различные толкования. Сергей Стратановский пишет об этом так: «Но что же всё-таки такое «русская идея»? Пустой словесный оборот, идиома, в которую всякий может вложить какой угодно смысл, или всё же нечто обладающее смысловыми границами и структурой?» [1, с. 138]. Впервые выражение «русская идея» употребил Ф.М. Достоевский в конце 1860 года [2, с.13]. Современный смысл придал ему Владимир Сергеевич Соловьёв, ныне один из самых почитаемых русских мыслителей. Определил он её как идею «о смысле существования России во всемирной истории» [3, с. 623]. Причём «идея нации, — писал он, — есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о России в вечности» [3, с. 623]. Можно спорить о том, каково содержание «русской идеи», т. е. что именно думает Бог о России в вечности, но суть идеи иначе толковать нельзя.

Обзор мнений о «русской идее» первым сделал в 1943–1946 годах Николай Александрович Бердяев, который проследил развитие русской мысли с начала XIX до начала XX века. На родине «русская идея» стала широко обсуждаться только в 90-е годы XX века, начиная с эпохи перестройки. Отмечу вступительную статью Михаила Маслина «Велико незнание России» к сборнику «Русская идея» (1992 г.), написанную в патриотическом духе. М.А. Маслин признаёт, что основателем «русской идеи» был В.С. Соловьёв, указывает на её суть, говорит о продолжателях Соловьёва и в то же время начинает её обзор с киевского митрополита Иллариона (XI в.), трактуя как христианскую идею покаяния. Тогда же Виктор Митрофанович Острецов, один из самых заметных авторов русской патриотической мысли 1990-х годов, предложил новое осмысление «русской идеи».

В.М. Острецов рассматривает «идею» Соловьёва как фальсификацию национальной идеологии, подлог, имитацию, в основе которой лежит «безликий каббализм», лишённый и национальных, и вообще человеческих черт [4, с.15]. Все апостолы «русской идеи», считает В.М. Острецов, находились под влиянием каббалистического учения, «получали образование по меркам западной школы, мыслили исключительно в духе этих образцов ...осмысливали происходящее ... в России ... по западноевропейским стандартам» [4, с.14]. Многие были членами масонских лож и пользовались соответствующими методами обработки общественного сознания. Статья В.М. Острецова носит откровенно полемический характер, однако другого, более глубокого обзора мнений по этому вопросу (который бы выявлял направление развития «русской идеи» от её зарождения до наших дней, вскрывал бы её сущность и практическую применимость) до этого не было.

В развитии «русской идеи» можно выделить несколько этапов. Первый — этап созревания в ходе национального самоопределения русского дворянства (с 20-х годов по 80-е годы XIX века). Второй — создание «русской идеи» В.С. Соловьёвым (1888) и её толкование русскими философами (до 1940-х гг.) — от полного признания в начале (В.И. Иванов, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, Л.П. Кареев и др.) до полного переосмысления в конце (И.А. Ильин). Третий — этап спекуляций на «русской идее» (1980–1990-е гг.). Каждая политическая сила в это время использовала «русскую идею» в своих целях, нисколько не заботясь о её изначальном значении.

Настоящая статья посвящена только первому этапу развития «русской идеи». Надеюсь, что она получит в будущем своё продолжение.

«Русская идея» является порождением спора о путях развития России, который вёлся в среде дворянства на протяжении XIX века. После Петра I правящий слой русского общества был полностью оторван от его основной массы и не воспринимал себя единым целым с ним. Русское дворянство воспитывалось на основе европейских ценностей и не видело себя вне Европы. Поэтому внезапно осознать, что Россия и, прежде всего, они сами существенно отличаются от европейцев, было для них самым настоящим шоком. Случилось это после войны 1812 года. Однако европейское воспитание сохранилось и позже. Б.К. Зайцев — писатель первой половины XX века, покинувший Родину в 1922 году, вспоминал: «Никак нельзя сказать, чтобы у нас, у просвещённого слоя, воспитывалось тогда (в конце XIX — начале XX вв.) чувство России. Скорей считалось оно не вполне уместным. Нам всегда ставили в пример Запад. Мы читали и знали о Западе больше, чем о России, и относились к нему почтительнее. К России же так себе, запанибрата. Мы Россию даже мало знали. Многие из нас так и не побывали в Киеве, не видали Кавказа, Урала, Сибири. Случалось, лучше знали древности, музеи Рима, Флоренции, чем Московский кремль» [5, с. 375]. Вот портрет русского интеллигента, описанный Г.П. Федотовым: «Это вечный искатель, энтузиаст, отдающийся всему с жертвенным порывом, но часто меняющий своих богов и кумиров. Беззаветно преданный народу, искусству, идеям — положительно ищущий за что бы пострадать, за что бы отдать свою жизнь. Непримируемый враг всякой неправды... Максималист в служении идее, он мало замечает землю, не связан с почвой — святой беспочвенник... Из четырёх стихий ему ближе огонь, всего дальше земля... это эсхатологический тип христианства...» [5, с. 386]. Так вот, эти люди после войны 1812 года неожиданно для себя поняли, что Россия так и не стала европейской страной, как об этом мечтал Пётр и как они сами искренне полагали. Первым осознал и перевёл бурлившее в обществе настроение в область открытого спора Пётр Яковлевич Чаадаев. Именно он открыл новый этап в развитии русского дворянства — этап национального самоопределения. Жизнь поставила перед ним вопрос, от которого нельзя было просто так отмахнуться — кто мы, куда идём и что делать дальше?

П.Я. Чаадаев на рубеже 20-х–30-х годов XIX века пишет ряд «философических писем». Одно из них в 1836 году увидело свет в журнале «Телескоп». Журнал после этого закрыли, а его объявили сумасшедшим. По Чаадаеву выходило так, что Россия — страна без прошлого и настоящего, у которой нет ничего своего. «Присмотритесь хорошенько, — пишет он, — и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришёл извне, каждая новая идея почти всегда заимствована...» [5, с.41]. Если бы у нашего народа была бы хоть какая-нибудь «плодотворная» история, доказывает П.Я. Чаадаев, разве Пётр I посмел бы «кинуть его» (так у Чаадаева!)? Да и страна, если бы это была страна, разве она позволила бы навязать ей чужое прошлое? Ничего подобного! «Пётр Великий нашёл у себя дома только лист белой бумаги...» [5, с. 41]. Это убеждение Чаадаева пропитано глубоким чувством. Он пишет: «Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой... но вот уже век и более, как она не ограничивается и этим... Из западных книг мы научились произносить по складам имена вещей. Нашей собственной истории научила нас одна из западных стран, мы... нарядились в её лоскутья [Европы] и наконец, стали счастливы, что походим на Запад, и гордились, когда он снисходительно соглашался причислить нас к своим» [5, с. 39–40]. В рассуждениях П.Я. Чаадаева хорошо заметно чувство отчаяния от сознания того, что Россия всё ещё далека от почитаемого им западноевропейского идеала. Перед ним стоит вопрос и он прямо об этом говорит: как быть, если окажется, что Россия в принципе не может стать подлинно европейской страной, что предпочесть — идеал (т. е. Европу) или Родину? П.Я. Чаадаев выражает это противоречие в словах «Отечество или истина?» и склоняется в пользу последнего — истины. «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, — пишет он в «Апологии сумасшедшего», — но есть ещё нечто более прекрасное — это любовь к истине... Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть... любовь к истине распространяет свет знания, создаёт духовные наслаждения, приближает людей к Божеству» [5, с. 38–39]. За яркими и красивыми словами стоит духовное предательство. Чаадаев готов пожертвовать Родиной (тем, что действительно существует, живёт и является вечной ценностью), ради некой «истины» — того, что, может быть, только выглядит

истиной. Кажется, что он готов положить Родину на алтарь ради чего-то воображаемого и в действительности несуществующего. На самом деле за так называемой «истиной» стоит вполне ощущаемое и объективно существующее другое отечество — Европа. Она представляется П.Я. Чаадаеву носителем истины, ей он хочет принести свою Родину в жертву, именно это, по его мнению, приближает к Богу. Это духовное предательство, готовое в любой момент превратиться в самое настоящее, стало добровольным выбором Петра Яковлевича Чаадаева, его и всех тех, кто будет идти за ним.

У Чаадаева впервые озвучен вопрос, который станет предметом «русской идеи» — призвание и роль России в мире: «Мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы... Мы, так сказать, самой природой вещей [у Соловьёва впоследствии — Богом] предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам...» [5, с. 45]. Бросается в глаза, что он ощущает русское общество и себя в нём как юное, молодое по сравнению с Европой, тогда как русский народ к тому времени уже имел за плечами богатую тысячелетнюю традицию, отнюдь не худшего качества, просто не такую, как в Европе. «Инфантилизм» этот вполне понятен. В сознании Чаадаева (и ему подобных) отсутствует «память» предков, у него «чистый лист» за плечами — отсюда и «ребячество» в зрелом возрасте. Очевидно, это результат европейского воспитания, т. е. целенаправленного воздействия на сознание. И это воздействие другого результата дать не могло. По мнению П.Я. Чаадаева, мы должны доделывать то, что Европа не доделала, завершить то, что Запад закончить не успел. Имеется в виду, что русский народ по своему внутреннему складу вполне подходит для того, чтобы оздоровить, омолодить Европу, т. е. продлить ей жизнь. Не русскому народу, а именно Европе! Как Русь может оздоровить Запад? Русский народ, считает Чаадаев, должен стать подлинно европейским, по западному европейским. Это означает, что в итоге, как особая культурно-историческая общность он перестанет существовать. Незавидная судьба предписывается нашему народу искусным философом.

Таков был первый ответ на вызов, одно из настроений, выразившееся в идее: если Россия ещё не стала Европой, то надо сделать так, чтобы стала, не смотря ни на что идти дальше по избранному пути, пусть даже после этого Россия исчезнет. Выбор — Европа или Родина — делается в пользу Европы.

Второй ответ, который исходит из того же чувства отчаяния от трудностей европеизации России, выразили славянофилы. Они представляют другое направление общественно-политической мысли, решавшее вопрос национального самоопределения русского дворянства иначе, чем П.Я. Чаадаев и прочие западники.

В 1839 году один из основоположников славянофильского учения, Алексей Степанович Хомяков, составил сообщение под названием «О старом и новом» и прочитал его на вечере у И.В. Киреевского. А.С. Хомяков такой же помещик, как и П.Я. Чаадаев. Над ним трудились те же учителя, вкладывая в него западноевропейские ценности, и Хомяков также испытал шок от осознания своей ущербности с точки зрения «правильного» европейца. Но выбор был иной. В отличие от П.Я. Чаадаева вопрос «Родина или истина?» Хомяков решил в пользу Родины. Коль Россия не может стать подлинно европейской страной, а Европа не спешит признать её своей, решил А.С. Хомяков, то нужно возвращаться на свой собственный путь, возрождать всё то хорошее, что было в нашей истории. Психологический надлом, вызванный необходимостью выбирать между двумя важнейшими для него ценностями, заставил Хомякова пересмотреть взгляды на своё отечество, принудил искать в нём то, что может стать идеалом. «Я знаю, как важна для общества нравственная чистота закона, — пишет он, — я знаю, что в ней таится вся сила государства...» [5, с. 57]. ОН ЗНАЕТ! Две вроде бы простые, незамысловатые строки. А сколько за ними чувства, сколько переживаний, внутренней борьбы! Он знает, что все верят в нравственную чистоту Западной Европы, только там она и может быть — «нравственная чистота», он и сам так думает... Думал. Он так думал только что, до этого момента. Что же делать, не приживается у нас их «чистота» и... Хомяков решается. Он меняет идеал. Не Европа, а наша древность «представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судо-

производстве, в отношении людей между собою» [5, с. 58]. Вот он — поворот в сознании мыслителя. А как же мерзость, непроходимая пошлость и подлость, «непросвещение и разврат», которыми полным полна наша история? А дело в том, что «всё доброе» было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, поясняет А.С. Хомяков. Он, скорее всего в этом не уверен, ещё пока не уверен, но очень хочет поверить в это, душа требует в это поверить. «Нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее» [5, с. 58]. А.С. Хомяков ищет и находит в русской истории опору, ведь не только дурное в ней было. А как же «сельские протоколы», «песни», «равенство», «свобода чистой и просвещённой церкви» [5, с. 54]? Не это ли и есть наша «нравственная чистота», наша собственная нравственная чистота, надежда и опора нашего государства! И всё же не полный поворот к родной старине предлагает А.С. Хомяков, не решительный разворот. Ему трудно избавиться от того «европейского», что в нём сидит с детства. Ему совсем не хочется терять прелести европейской цивилизации, которыми он пропитан. Обращение к своим собственным корням не означает у него окончательного разрыва с Западом. «Мы будем продвигаться вперёд смело и безошибочно, — пишет он, — занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий...» [5, с. 63]. А.С. Хомяков предлагает всего лишь «не обезьянничать» и не преклоняться перед Европой. По сути, сделать с ней то же, что она хотела бы сделать с нами — использовать ради достижения своих целей. Мы подсмотрим, что там хорошего успели ещё придумать европейцы и переймём это, но по-своему, по-русски. Быть умнее предлагает А.С. Хомяков.

С ним согласился Иван Васильевич Киреевский — хозяин вечера, на котором прозвучала речь «о старом и новом». Вопрос — «нужно ли для улучшения нашей жизни ... возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?» [5, с. 66] — он поставил по другому — «какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благотворительно...» [5, с. 66]. Иначе говоря, оговорка о необходимости использовать западные достижения в наших интересах, сде-

ланная А.С. Хомяковым, нашла в душе Киреевского самый живой отклик. И.В. Киреевский в своём ответе Хомякову долго рассказывает о том, что является особенностью Западной Европы, что и почему в России не так, как в Европе — почему у нас не было рыцарства, почему Россия не знала борьбы веры и разума, почему у нас появился Пётр I — но всё это для того, чтобы, в конце концов, признать правоту А.С. Хомякова. Его мысль об «использовании Запада» он сделал своей, выделив её в качестве основной. Вывод И.В. Киреевского на первый взгляд звучит странно: «Желать теперь остаётся нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви... чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу церковь... Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем» [5, с. 72]. Перед нами конкретные предложения, как именно можно использовать Запад в наших интересах. Предложение, вытекающее из той ситуации, которая сложилась тогда в среде русского дворянства. Это глубокое разочарование, выраженное в виде анекдота, похожего на грусть и сожаление одновременно, разочарование помещика в том, что собратья по сословию его не поймут, ибо по-прежнему слепо идут за «просвещённой» Европой — в действительности за ярким и привлекательным образом Европы.

В дальнейшем в сознании славянофилов идею «использования» Запада затмила основная мысль — возвращение к родной старине, идея особого пути России. К.С. Аксаков, например, пишет исключительно о необходимости самостоятельного «русского воззрения». Всё дело в том, считает он, что «народ не менее отдельного человека имеет право быть собою и иметь свою деятельность. Деятельность народа, как деятельность человека, должна быть самостоятельна» [5, с. 114]. Казалось бы, всё и так ясно, без дополнительных обоснований — каждый народ имеет право быть самим собой. Однако в то время славянофилам приходилось доказывать, что русский народ должен сохранить свои собственные черты, а не подражать другим. Напомню, что все эти сомнения и метания — надо ли русскому народу иметь своё лицо, волновало дворянство (т. е. не более 1,5% населения России в конце XIX века), а сам русский

народ этот вопрос и не ставил. Какие тут могут быть сомнения — «во всяком посаде в своём наряде». Народ жил особой жизнью и европеизация его практически не коснулась вплоть до XX века. Русские верхи в душе были не совсем русскими, и, как ни странно, именно Европа, отказав России в праве считаться её частью, заставила некоторых дворян обратить внимание на русский народ. К сожалению, только некоторых.

В то же время, наряду с линиями Чаадаева и Хомякова-Киреевского появляются и промежуточные точки зрения, имевшие в виду первые две, и склонявшиеся либо в ту, либо в другую сторону. Литературный критик, писатель и публицист Виссарион Григорьевич Белинский в 1841 году высказал мысль, которая на первый взгляд поднялась над спором двух течений — следует ли нам и дальше стремиться слиться с Европой или надо идти своим путём. Он поставил этот вопрос как бы за скобки. Он уверенно говорит: Россия — это Европа. Никакой разницы между тем, что было до Петра и что есть после него, нет. Русский народ не изменился. Если иметь в виду крестьян, т. е. собственно народ, это так и было, а если то, что подразумевал Белинский — вряд ли. Белинский доказывает неразрывное единство России и Европы, отвергая бывшее разочарование дворянства, он как бы призывает забыть пережитый шок, забыть настоящую Европу, ту, которую увидели, когда шли к Парижу в 1813–1814 гг. Он призывает поверить в то, что между Россией и Западом нет никакой разницы. В качестве основания В.Г. Белинский использует идею «субстанции». «Сущность всякой национальности, — пишет В.Г. Белинский, — состоит в её субстанции. Субстанция есть то непреходящее и вечное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит через все фазисы исторического развития... Каждый народ имеет свою субстанцию... и в субстанции народа заключается вся его история и его различие от других народов» [5, с. 77]. В основу субстанции В.Г. Белинский ставит, во-первых, расовые черты и происхождение («кровь» и «породу»), во-вторых, климат и географическое положение страны [5, с. 78]. Чертами такого типа у русских он считает: бодрость, смелость, находчивость, сметливость, переимчивость, молодечество, разгул, удалство [5, с. 79]. «Но разве европеизм может изгладить эти коренные, субстанцио-

нальные свойства русского народа? — задаётся риторическим вопросом Белинский, — разве образованный человек теперь не так же, как и прежде, размашист и в горе, и в радости и не родной брат тому, который некогда, приложив руку к уху, певал богатырским голосом на весь божий мир: «Высота ли, высота поднебесная, глубота ли, глубота океан-море. Широко раздолье по всей земле, глубоки омуты днепровские» [5, с. 79]. Если так, беспокоиться не о чем, не в чем и сомневаться — Россия была и осталась Европой. Реформы Петра, уверяет В.Г. Белинский, не только не подавили наши природные черты, нашу европейскую статью, но дали дальнейшее развитие, освободили от всего наносного, не свойственного русскому народу [5, с. 79]. Имеется в виду азиатский уголок нашей души («азиатчина»), по его мнению, привитый нам татарами: затворничество женщин, рабство в понятиях и чувствах, кнут, лихоимство, невежество и прочее, словом, всё то, что искоренял Пётр Великий [5, с. 81]. Кто бы спорил, что смелость, находчивость, удалство и тому подобное — наши природные и неискоренимые черты, а лихоимство, невежество и прочее в том же духе — всё не наше, доставшееся нам от татар или, скажем, от половцев, или ещё лучше хазар. Только ведь не эти качества являются сущностью любого народа, т. е. определяют его как народ. Главное то, что объединяет души людей, связывает их в одно целое, т. е. духовность — особенности веры, связанные с ней идеалы, святыни, традиции, обычаи, общие как для предков, так и для потомков. Они отличают один народ от другого. Каждый народ верует по-своему, у всех свои герои, своя культура. А культура, как известно, не передаётся по наследству. Поэтому проповедь «субстанции» как основы национальности — это обман, сознательное или неосознанное введение в заблуждение, в конечном итоге означающее подстрекательство к разложению народа.

В 1880 году западников и славянофилов попытался примирить Фёдор Михайлович Достоевский. В речи, посвящённой А.С. Пушкину и «Объяснительном слове» по её поводу, он признал историческую закономерность западничества, «законность стремления западников в Европу» [5, с. 133]. Оно будто бы совпадает с самим духом народным. Говоря об этом, Ф.М. Достоевский старается соединить идеа-

лы. Он подчёркивает, что быть русским — это значит «стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» [5, с. 145]. Он старательно выделяет в русском духе черты «всемирности», «всецелочеловечности». «Наш удел, — внушает Ф.М. Достоевский, — есть всемирность» [5, с. 145]. Выходит, что русский и всемирный — одно и то же. В то время «всемирный» значило «всеевропейский». Достоевский, стало быть, доказывает, что русский значит европейский. Есть от чего потерять голову! То, что говорит Ф.М. Достоевский, кажется, мало чем отличается от того, на чём настаивал Белинский (Россия — это Европа). Однако разница всё-таки есть. В понимании западников «всемирность» и «всецелочеловечность» в отношении русского народа предполагает отсутствие у народа этих качеств и в итоге лишение его собственных черт, т. е. уничтожение народа, а у Ф.М. Достоевского, наоборот, быть «всецелочеловечным» значит стремиться слиться с «почвой», соединиться со своим народом, который есть «всецеловек». Быть «всемирным» у него значит быть русским. Тут если признавать правоту мыслителя Европе в пору переделываться под русских. К тому же Ф.М. Достоевский и не скрывает, что, выдвигая идею почвенничества, он следует за славянофилами. Не то ли разумел А.С. Хомяков, когда предрекал: «Мы будем продвигаться вперёд... воскрешая древние формы жизни русской» [5, с. 63]. Или К.С. Аксаков не о том ли писал: «Нам надобно напомнить о народности: нам надобнодохнуть её крепким, здоровым воздухом...» [5, с. 116]. Это разве не почвенничество? Если учесть, что Ф.М. Достоевский тут же обличает западников в ненависти к народу (чего стоит рассказ о западнике, который на восклицание «этот народ не позволит», спокойно ответил «так уничтожить народ»), сомнений нет, слова писателя о признании законности западничества, о совпадении их стремления в Европу с духом народным, который есть «всемирность» и «всецелочеловечность», в действительности самая настоящая ловушка, в которую он хотел заманить почитателей Европы, а вовсе не шаг навстречу, сделанный славянофилами, как это было воспринято. Стоило бы западникам поддаться на лисиние речи Ф.М. Достоевского, то получилось бы как в сказке о колобке: «Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню. — Спасибо, колобок! Славная песенка, ещё бы послушала! Сядь ка

на мой язычок да пропой в последний разок, — сказала лиса и высунула свой язык. Колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса — ам его — и скушала» [6, с. 47]. Однако дальше рукоплескания на вечере в «Обществе любителей русской словесности» дело не пошло.

Константин Николаевич Леонтьев — убеждённый государственный и защитник православия — попался на удочку, но это была не та рыба, какую ловил Достоевский. К.Н. Леонтьев решительно отказался любить Европу. Проповедь «всемирной любви» служила наживкой для западников — этого он не понял и стал возмущаться: «...за что можно любить современных европейцев...», и как любить, какой любовью? — «есть любовь — милосердие...есть любовь — восхищение, есть любовь моральная и любовь эстетическая?» Как мог Ф.М. Достоевский, «подобно великому множеству европейцев и русских всецеловеков» поверить в мирную и кроткую будущность Европы и радоваться тому, что нам русским вскорости может быть придётся утонуть в безличном океане космополитизма [5, с. 161]. Какое нам дело до Европы? «Какое нам дело до того, что о нас думает Европа?..» [5, с. 151]. Возмущение К.Н. Леонтьева заслуживает уважения, но всё это напрасно. Ф.М. Достоевский и не думал любить Европу или, вслед за российскими всецеловеками, верить в её мирную будущность. Проповедь всемирной любви, которая якобы присуща русскому народу — дело второе. Главное у Достоевского — идея слияния с «почвой». «Всемирная любовь» — заоблачная высь, а «почва» — вот она, под ногами. Может случиться, что русскому народу эта «заоблачная любовь» и не интересна — не важно, западники, слившись с «почвой», перестанут быть опасными, они перестанут быть западниками. Вот в чём дело.

Итак, к 80-м годам XIX века в ходе спора о путях развития России в среде русского дворянства сложилось два подхода. Первый — Россия должна продолжить европеизацию. И второй — у России свой путь развития. Обе они вытекали из общего чувства разочарования, возникшего от осознания своего отличия от европейского идеала. Кроме того, нужно отметить две «подрывные» версии этих идей — В.Г. Белинского, отрицающего отличие России и Европы, близкую Чаадаеву и направленную

Поляков А.Н. От истоков «русской идеи» мыслителей XIX века к авторскому прочтению концепта

на разложение русского народа, и Ф.М. Достоевского, близкую славянофилам Хомякову и Аксакову и направленную на ликвидацию западничества. Подрывными они являются

потому, что истинная цель и той, и другой идеи скрыта. На виду же совсем другая «благая» цель. Это была война, война жестокая, без перемирий и пленных.

30.05.2014

Список литературы:

1. Стратановский, С. За белым клубуком. «Русская идея» в современных спорах / С. Стратановский // Волга. – 1992. – №1. – С. 137–143.
2. Боханов, А.Н. Русская идея от Владимира Святого до наших дней / А. Н. Боханов. – М.: Вече, 2005. – 400 с.
3. Соловьёв, В.С. Русская идея / В.С. Соловьёв // Соловьёв В.С. Спор о справедливости: сочинения. – М.; Харьков, 1999. – С. 622–649.
4. Острецов, В.М. «Русская идея» как факт фальсификации / В.М. Острецов // Русский вестник. – 1992. – №41/44. – С. 14–15.
5. Русская идея / сост. М.А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с.
6. Колобок // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 46–47.

Сведения об авторе:

Поляков Александр Николаевич, доцент Оренбургского государственного университета,
кандидат исторических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 20914, тел.: (3532) 372571,
e-mail: worldhist@mail.osu.ru; poliakovan@mail.ru